

2-й годъ изданія.

Цѣна 10 коп.

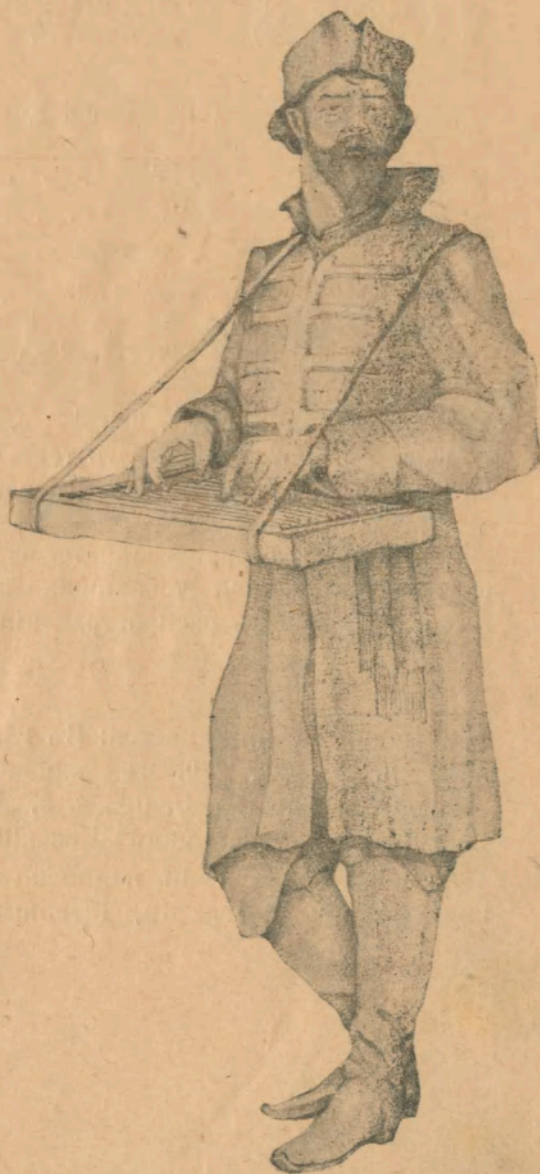
0971

11-8

СЪВЕРНЬИИ ГУСЛАРЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
УЧАЩЕЙСЯ
МОЛОДЕЖИ.

**Вся чистая прибыль идетъ
въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.**

ПЕТРОГРАДЪ.

2-й годъ изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ,

вся чистая прибыль отъ продажи идетъ въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Съверный Гусляръ—органъ **надпартийнаго** студенчества, имѣеть цѣлью объединить ищущихъ,—выявить настоящее учащейся молодежи,—отыскать новые пути къ лучшему будущему за гранью перелома,—дать возможность—на почвѣ трудовой кооперации—заработать неимущимъ учащимся и способствовать выявленію самобытности въ литературѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.

Въ розничной продажѣ у студентовъ цѣна 10 коп.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4—10 р., строка петита 30 к. Въ текстѣ и позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. 1/4 стр.—8 р.; строка петита—20 коп.; годовымъ, скидка по соглашенію.

Журналъ распространяется самими студентами, при чемъ редація проситъ нуждающихся товарищей вступать въ число сотрудниковъ и принимать участіе въ распространеніи журнала.

Подписка принимается: Въ главной конторѣ отъ 5—9 вечера, Б. Зеленина д. 8, кв. 20, въ книжныхъ магазинахъ: Попова, Невскій 66, „Жизнь“ Петр. стор. Б. пр., д. 3, „Новый Путь“ П. С. Бол. пр. д. 1, Вольфа, Невскій 13, „Новое Время“ Невскій 40, Карбасникова, Гост. дворъ 19.

Приемъ объявленій, подписки и продажа №№ производится въ отдѣленіи конторы, при типографіи, Литейный 33.

Съверхый Тусляръ

0271

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 1.

2-й годъ изданія.

15 Января 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Два пожеланія, Нелли.—Бенедиктовщина, К. Прудовскаго.—Проблема новой соціальной педагогики, Римуса.—Беауміе, Нелли.—Стих., Регина З.—Война родитъ героевъ (басня), В. Яшина.—Герой, В. Яшина.—Думы физика (стих.), Янь Щека.—На граві, И. Лебединова.—Стихотв. X. Бѣлозерова.—Арфа (стих.), X. Бѣлозерова.—Отчетъ редакціи.

Два пожеланія.

(Сатира).

Съ Новымъ Годомъ! съ новымъ счастьемъ! говорятъ обычно, пожимая руку. Какъ будто бы счастье зависитъ отъ года, и вотъ, молъ, съ 1 января обязательно открывается новая полоса нашей жизни, другой жизни.

Быть можетъ и правда, что земля описала эллипсъ и начала новый путь, но наша гражданская точность, какъ и всѣмъ извѣстно, отстала отъ астрономической. А жизненной и подавно не существуетъ: тутъ всякіе сюрпризы.

Мы стараемся начать лучшую жизнь, часто желаемъ себѣ этого (нѣсколько разъ въ годъ, а 1 января—обязательно),

и сидимъ на порогѣ будущаго съ закрытыми глазами, въ душѣ почти безъ вѣры въ исполнимость нашихъ пожеланій.

Ужъ такова „природа“ вещей, какъ говорится.

Впрочемъ, я тоже люблю пожеланія и по доброй традиціи скажу ихъ именно сейчасъ, въ начало Новаго года.

Да и добрыя традиціи часто успокаиваютъ нервы.

Мои пожеланія всецѣло относятся къ студенчеству. къ жизни высшей школы. Вѣдь это и есть больной вопросъ всѣхъ

насъ, разобшенныхъ и индивидуалистовъ.

Въ №№ 5 и 6 „Сѣвернаго Гусяра“ за прошлый 1914 годъ К. Прудовскій и Римусъ остановились на разборѣ нашихъ переживаній. Довольно полно статья „На распутьи“ рисуетъ историческое развитіе интеллигентной молодежи, такъ что детализировать его не считаю возможнымъ. Остановлюсь на современномъ студенчествѣ, тѣмъ болѣе, что желать можно только существующему сегодня, а не завтра и не вчера.

Говорятъ: современное студенчество слишкомъ „индивидуализировано“. Что это значитъ?

Ѣхали въ Петроградъ въ высшую школу и передъ дорогой, и въ дорогѣ мечтали увидѣть не только храмъ науки, а и храмъ душевнаго отношенія, наибольшую искренность, отзывчивость студенческой молодежи, ждали отвѣта на цѣлый рядъ возникавшихъ вопросовъ. Друзья средней школы мало удовлетворяли насъ: и они бились надъ тѣми же вопросами, и въ ихъ мозгу начинался процессъ сознательнаго перерожденія, взгляды на міръ мѣнялись. Студенчество обѣщало много и потому еще прежде, чѣмъ стать въ ряды молодежи высшей школы, хотѣлось раствориться въ той средѣ, гдѣ созданы Бѣлинскій, Герценъ, Чернышевскій. Я повторяю: хотѣлось раствориться. Встававшее сознание, любопытство жизни диктовало намъ такъ: побольше работы, свѣта не для насъ, а для всѣхъ; для той великой родины, куда мы вступимъ гражданами. Развѣ не такъ было? Развѣ создавали мы свой міръ и свое „святое святыхъ“, обращая взоры на колонны высшаго храма? Конечно нѣтъ.

Въ душѣ было единственное желаніе: знаніе для всѣхъ. И что же?

Даже храма не пощадили, осквернивъ его легкомысленнымъ отношеніемъ къ этимъ самымъ знаніямъ.

Аранство, непростительная быстрота въ получеши зачетовъ, поспѣшное сдаваніе проектовъ, заказанныхъ заблаговременно — картинки встрѣчающіяся сейчасъ въ высшей школѣ. Проидемтесь внутри обремененнаго студенчества и посмотримъ на нѣкоторыя лица. Робкій первокурсникъ, который боится пропустить записи, спѣшитъ занести себя въ очередной списокъ: иногда не брезгуетъ срываніемъ старой очереди, чтобы подвинуться на первое мѣсто. И гдѣ ему, бѣднягѣ, знать величіе своего подвига?

Землячества мирно спятъ, чувствуя себя нѣсколько отяжелѣвшими отъ старости: пусть молодежь пріѣзжаетъ раньше — а мы успѣемъ открыть свою лавочку — мѣняльную кассу. А за однимъ подвигомъ слѣдуютъ другіе.

Составленіе отчетовъ въ лабораторіяхъ съ такимъ расчетомъ, что переделывать работы не придется, поверхностное подготовленіе къ задачамъ; затѣмъ „гнать“ зачеты, справляясь у другихъ, кто и что успѣлъ сдать за это время. Впрочемъ, бываютъ минуты „усердія на старыхъ основаніяхъ“, т. е. предполагавшагося въ дорогѣ. — зарыться въ книги и изучать добросовѣстно. Однако, такое усердіе не долговѣчно. Заразителенъ примѣръ окружающихъ и сладко звучатъ слова: „нельзя все знать! науки наши служатъ для общаго образованія, для представленія о предметѣ“.

Могутъ ли организаци дать направленіе работѣ? Организаци состоятъ изъ такихъ же студентовъ, только болѣе

старыхъ и потому менѣе усердныхъ. И меньшая усердность ихъ, отнюдь, не влияетъ на глубину знаній. Она выражается лишь въ меньшемъ числѣ зачетовъ, и небольшихъ обязанностяхъ, въ нѣкоторомъ интересѣ къ коммерческой сторонѣ дѣла. Наконецъ, жизнь зоветъ къ себѣ, требуя рѣшенія многихъ общественныхъ вопросовъ. И хотя рѣшенія эти своеобразны, хотя работа въ организаціяхъ можетъ быть оцѣниваема съ точки зрѣнія моего „Отвѣта“ (см. № 6. „Сѣверный Гуслиаръ“ за 1914 г.)— время для своеобразной работы затрачивается. Даже студенческіе научные кружки такъ узко спеціальны, что не могутъ обставить получение зачетовъ основательными знаніями.

Въ результатѣ—студенческія организаціи не вліяютъ на своихъ членовъ въ академическомъ направленіи. Получается та толща легкомысленности, неумѣнія углубиться въ предметъ, въ науку—о которыхъ говоритъ Римусъ. сказать больше, значило бы еще рѣзче осудить мозгъ, въ которомъ „вѣтеръ гуляетъ“; признать въ немъ зародыши довольно сквернаго микроба, о которомъ я уже упоминала. Имя его—эгоизмъ.

Правда, существуетъ болѣе мягкое названіе: „индивидуализація“. Но на мой взглядъ это синонимы. Первое болѣе сурово и правдиво, а второе—маскируетъ истину. „Пріятное занятіе! Сидишь себѣ и индивидуализируешься! Вотъ даже у Салтыкова - Щедрина эгоизмъ болѣе блѣдно выходитъ. Тамъ въ „Современной идилліи“ герой съ Глумовымъ рѣшили „погодить“, а здѣсь занятіе не такое скучное и даже полезное.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть полезнѣе молниеноснаго окончанія высшей школы? И что пріятнѣе загадочности

одного изъ многихъ? Здѣсь и познаніе Бога, нищестанство, и разочарованность въ жизни со слезами, улыбками, „студенческій тупикъ“, оторванность интеллигенціи отъ массы па родинѣ.

Развѣ не красиво?

И вдругъ это рушится при одномъ настоящемъ названіи: „эгоизмъ, чудовищный эгоизмъ“

Все это оказывается результатомъ не опусканія рукъ изъ-за дѣйствительной невозможности работать, а результатомъ невыдержанности, задачъ не у мѣста и не во времени, себялюбія.

Я не отрицаю порыва, лучшихъ желаній молодежи въ ихъ выступленіяхъ. Каждому ясно, что много свѣта, много дѣтской души въ этихъ выступленіяхъ. Но безъ твердаго фундамента, безъ подготовки къ жизни, какъ можно начинать дѣла жизни, не дѣтскія дѣла.? Такая задача мнѣ кажется безуміемъ. Много жизней въ слѣпомъ порывѣ воплотить свои силы въ дѣло погибло изъ-за невыдержанности, изъ-за нежеланія считаться съ какими-бы то ни было условіями. А условія и играютъ самую важную роль.

Бѣлинскій и Герценъ получали общее образованіе, а не спеціальное; они устраивали кружки для детальной разработки вопросовъ; все старались обосновать, доказывали логически недопустимость того или иного явленія. Сейчасъ почти все это отброшено. Чуть ли не первый курсъ считаетъ себя готовымъ участвовать въ общественномъ дѣлѣ, въ ломкѣ стараго. Въ результатѣ, конечно, много парадоксальнаго. Парадоксальнымъ кажется прозябаніе экономическихъ студенческихъ организацій, если всѣ участники настроены къ созиданію; парадоксально уклоненіе студенчества отъ обсуждения насущ-

ныхъ вопросовъ; парадоксально отношение къ занятіямъ, если желаніе блага народу дѣйствительная правда. Настоящее желаніе, сильное желаніе не мѣняется отъ встрѣчныхъ природъ. Даже больше: оно усиливается. Нѣсколько поражений показываютъ, что сраженіе происходило въ неблагопріятныхъ условіяхъ, что, бытъ можетъ *путь эволюціи слѣдовало бы предпочесть другимъ*. Условія и пути нужно измѣнить. Отступленіе отъ прежнихъ желаній, быстрое „разочарованіе“, сопровождаемое заказываніями иногда проектовъ (слава Богу: пока у немногихъ рѣдкихъ „индивидуалистовъ“), или послѣ „тупикомъ“, говорить о малоѣ силѣ, слишкомъ незначительномъ порывѣ и громадномъ (въ сущности) себѣлюбіи.

Въ дѣйствительности и тупика никакого нѣтъ. Есть эгоизмъ (еще говорятъ: индивидуализмъ), а не тупикъ. И отбросьте эгоизмъ—картина рѣзко измѣнится. „Отбросить эгоизмъ“—вотъ задание новому году.

Эгоизмомъ, только эгоизмомъ можно объяснить всѣ ненормальности въ жизни высшей школы. Имъ уничтожается парадоксальность многихъ сторонъ той же жизни. „Путь эволюціи кажется далекимъ, долгимъ; результаты его намъ видѣть не придется. Оставимъ поэтому всякое народничество (или социализмъ) и постараемся отвыкнуть отъ сантиментальныхъ измышлений“, говорятъ потерпѣвшіе неудачу. Въ лучшемъ случаѣ, дальнѣйшее бросаніе въ сферу религиозныхъ вопросовъ заполняетъ пустоту жизни.

„Какъ же! надо же осмыслить свое существованіе!“—говорятъ они. Подчеркиваю: „свое существованіе“. Слѣдуя по пути крайностей, индивидуалисты

бросаютъ не только народъ и не только социализмъ, а и своихъ спутниковъ. Они и не знаютъ даже, съ кѣмъ шли.. Вотъ близорукость эгоиста. Отсюда одиночество, безысходная тоска отъ ничего недѣланія, лѣнь *). Даже на стѣну лѣзутъ, чуждые другъ другу. Въ послѣднее время, по традиціи конечно, а не по убѣжденіямъ, такъ какъ убѣжденія испарились. Если окончательно не подлый либерализмъ: „ведрышко на дворѣ—мы радуемся, дождичекъ на дворѣ—мы и въ немъ Божию милость усматриваемъ **), то недалеко отъ него, хотя бы эти слова звучали нѣсколько иначе:

„Ведрышко на дворѣ—мы бранимся; дождичекъ на дворѣ—тоже бранимся“.

И такъ ужъ эта ругань всѣхъ одолѣла, что выйти изъ оболочки индивидуализма никакъ нельзя. Сразу получаешь щелчокъ по носу или, если скажешь еще слово, то довольно понятно: „молчи!“

Примѣръ тому: студенческія начинанія въ смыслѣ журналовъ, газетъ. Создать постояннаго журнала никакъ не удавалось; выходило 2—3 №№ и прекращали свое существованіе. Маленькія книжечки правились однимъ, вызывали тошноту обложками и величиной у другихъ. Нѣкоторые искали „направленія“, показывали при этомъ и, крестя рты, говорили: „Чего ради писать-то, Господи! Сидѣли бы и молчали лучше!“ Отъ скуки брались толковать первое слово, куда невзначай попадалъ палець. И понятно, основная

*) См „Странный Человѣкъ“ Яшина. Забудьте его индивидуалистомъ—студентомъ—и вотъ готовъ примѣръ озорнаго эгоиста

***) Салтыковъ-Щедринъ. „Современная идиллія“ стр. 116.

мысль автора извращалась совершенно*). Безцѣльная ломка, расколы, „принципы“ вчера и принципы сегодня. Бойкотированіе одной группой при инертности другихъ. Вотъ почва студенческихъ начинаній, поглощающая послѣ журналы, кружки, организаци.

Какой бы маленькой группа не была, а у нея—своя программа и свое „принципальное“ расхожденіе. Если же вспомнить знаменательное болото индивидуализма, то маленькимъ группамъ нѣтъ числа. Кому нуженъ журналъ, если каждый „существуетъ“ прежде всего самъ и все восполняетъ собою? Только, вѣроятно, редактору и нѣсколькимъ сотрудникамъ, образовавшимъ по странному стеченію обстоятельствъ „индивидуализированную“ группу? И для чего существуютъ кружки, экономическія организаци? Для никому неизвѣстныхъ пришельцевъ съ портфелями подъ мышкой. „Квитанція! росписка! честь имѣемъ кланяться!“

Таковъ очеркъ нашей жизни, миниатюрный очеркъ, который я съ удоволь-

*) Стоит, напримѣръ, упомянуть такое невинное одно слово „объединеніе“, какъ кружокъ объединеннаго студенчества (если такъвой существуетъ, конечно) огласить торжественно на всѣхъ перекресткахъ: „Мм. Гг. Журналъ X. говорить отъ имени объединеннаго студенчества. (?) Честь имѣемъ довести до свѣдѣнія благородныхъ объединенныхъ (!) членовъ кружка, что вышеуказанный, чрезвычайнo вредный по направленію, журналъ съ нами ничего общаго не имѣетъ“. Отойди... не гляди... Ну а за нечаянное слово „христианинъ“ пожалуй и отъ Христианскаго Кружка получишь нѣчто, напоминающее папскую буллу съ осужденіемъ. „Не призывай имени Бога напрасно Апаема!“

Примѣч. Нелли.

ствиемъ поднесла бы къ Новому Году! Быть можетъ новорожденный младенецъ снисходительно отнесется къ моимъ словамъ. Дай Богъ!

Дай Богъ, чтобы это возрастающее чадѣ умирило нашу жизнь не только на поляхъ сраженій, а и здѣсь, гдѣ паутинка эгоизма начинаетъ все сильнѣе душить всякую жизнь студенчества: и учебную, и организационную; гдѣ „индивидуализмъ“ грозитъ захватомъ всѣхъ прежнихъ молодыхъ стремленій. Дышать становится труднѣе съ каждымъ днемъ. А что будетъ въ нашей гражданской жизни? Боюсь подумать.

Второе пожеланіе, казалось бы, должно вытекать изъ перваго—выходить же не такъ немного. Второе пожеланіе касается бѣднаго редактора, взявшаго на себя веденіе студенческаго журнала. Подумайте только, бѣдному редактору навѣрное каждую ночь являются чертики съ самыми разнообразными названіями—все слова неосторожныхъ авторовъ; за нихъ того и гляди придется расплачиваться. Да еще какъ! И вотъ мое пожеланіе—поменьше волненій редактору. Да проститъ Господь его за грѣхи случайныхъ сотрудниковъ и да сохранить студенческой журналъ для воскресенія настоящаго студенчества—этого теперешняго покойника.

Журналу предстоитъ, несмотря на всѣ вопли „индивидуалистовъ“, исполнить роль объединителя тѣхъ, кто еще не окончательно ушелъ съ этого свѣта; его же цѣлью должно сдѣлаться возвращеніе ушедшихъ, если только это осуществимое заданіе.

Нелли.

Бенедиктовщина.

Навѣрное приходилось вамъ когда либо и, можетъ быть, не разъ видѣть картину В. Р. Максимова, обошедшую всю Россію въ воспроизведеніяхъ и краскахъ: „Все въ прошломъ“.

„Все въ прошломъ“—это мечтающая у крыльца усадьбы графиня-помѣщица съ гордыми, породистыми чертами лица, уже нищая, но все еще не снимающая съ своихъ плечъ шелковыхъ платьевъ стариннаго покроя и бархата съ соболией опушкой — свидѣтелей былого величія и блеска. Цвѣтетъ сирень, шумитъ золоченый самоваръ, въ заглохшемъ, заброшенномъ саду невидимыми крылами рѣветъ весенняя истома. И, закрывъ глаза не то отъ нахлынувшихъ внезапно милыхъ, дорогихъ воспоминаній, не то передъ ужасомъ неумолимой дѣйствительности, сидитъ передъ нами величественный осколокъ старины.

„Все въ прошломъ“ у этой старухи. Около нея нѣтъ никого, если не считать русскую убогую дворовую мужичку, оставшуюся вѣрной до конца своей стропливой барынь и прислуживающей ей съ такой же любовью, какъ и во времена ея свѣтской славы и блеска. Прошлое сроднило. И теперь... теперь „Все въ прошломъ“, мучительная, ноющая тоска въ настоящемъ...

Не знаю почему, но точно молніей пронеслась въ моей головѣ эта картина, когда я впервые прочелъ сборникъ „Слово“ Книгоизд. Писателей въ Мо-

сквѣ за 1914 г. Центральной фигурой этого сборника является, студентъ Бенедиктовъ изъ разсказа того-же названія Ив. Шмелева. Не будемъ касаться его какъ „художественнаго типа“, ибо для насъ важенъ онъ какъ представитель молодой нашей интеллигенции (о которой я уже говорилъ въ № 7 Сѣвернаго Гусляра), и поскольку отразились на немъ черты нашей молодой интеллигентной поросли. Чѣмъ то новымъ и, въ тоже время, давно знакомымъ вѣетъ съ перваго раза отъ всей фигуры Бенедиктова. Хочется крикнуть, что онъ чужой намъ, чужой во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ не болѣе какъ наростъ злокачественный, зловредный на тѣлѣ нашей интеллигенции. Но тамъ, гдѣ то въ глубинѣ сердца, кто то властный нашептываетъ, что онъ „свой“, что съ нимъ связываетъ насъ общая таинственная связь мученическаго пути русской интеллигенции. Да, студентъ Бенедиктовъ „свой“, онъ „нашъ“, онъ кость отъ костей той интеллигенции, которая, чуть-ли ни смертельно раненая, не могла удержать за собою позиціи, и, растерявъ знамена общественности, беспомощно мечется изъ стороны въ сторону у дверей яраго индивидуализма и въ „великихъ мистическихъ порывахъ“ топить пустоту своей жизни и души. Тамъ, въ этихъ недосыгаемыхъ высотахъ, часть ея ищетъ утеряннаго Бога. Говорю «часть», ибо дерзать Бога, дер-

зять «осмыслить свою жизнь», дерзять найти обоснованіе, хотя бы въ рамкахъ яраго индивидуализма, могутъ и способны не всѣ. Вѣдь дерзять — значитъ желать—желать во что бы то ни стало. И въ какіе бы рамки не вылилось пока это «желаніе», какимъ бы путемъ односторонности ни шло, — оно уже залогъ грядущей побѣды. Но желаніе, каково бы оно нибыло имѣетъ своей предпосылкой борьбу. На нее не способны смертельно раненые. А ихъ... ихъ пока большинство. Кто они — эти раненые? Это мечтатели недавнихъ лѣтъ, готовые завоевать небо, покорить землю. Раненые это тѣ, кто не выдержалъ ужаса надвигающейся пустоты, жестокой душевной неразберихи. Жизнь испугала ихъ, жизнь раздавила ихъ на смерть. Нагая, безобразная стоитъ она передъ ними и, тихонько хихикая, смѣется надъ ихъ жалкими, ничтожными мечтами. И отъ ея металлическаго смѣха волосы становятся на головѣ у смертельно раненыхъ. И кажутся они самими себѣ жалкими ребятишками, старавшимися слабой рукой задержать жестокое колесо жпзни, или слабымъ тѣломъ остановить мчащійся паровозъ. Поломаны руки, раздавлено, исковеркано тѣло... А она течетъ, течетъ жестокая, неумолимая по своему кровавому руслу.

И если въ представителяхъ «Всѣмірнаго Христ. союза» мы можемъ найти зачатки будущей побѣды, ибо односторонность его принциповъ не можетъ удовлетворить молодую интеллигенцію, то среди смертельно раненыхъ мы не въ силахъ отыскать и тѣни на ихъ грядущее воскресеніе. «Мы раненые, раздвоенные, полумертвые, потому что познали жизнь. Все противно, все ненужно. И... смѣшно»... говорятъ всѣмъ своимъ существомъ эти заживо разлагающіеся

трупы. И если кругомъ кипитъ жизнь, если новая интеллигентная молодежь зоветъ ихъ хоть посмотрѣть на эту жизненную волну—они мертвы. Они не слышать ея. Среди шума и рокота новыхъ волнъ они ходятъ какъ полумертвые, кляня этотъ ненужный шумъ и крики.

Они могутъ увлекаться эстетикой, борцами, футуристами. Вербицкой, но.. но мертво увлеченіе ихъ. Страха ради смерти дѣлаютъ (именно дѣлаютъ) они свое увлеченіе. На самомъ-же дѣлѣ сыгранная ими роль родила въ нихъ чувство брезгливости и ненависти къ тѣмъ, которые еще смѣютъ вѣрить. И если что осталось у нихъ, такъ это прошлое. Не то прошлое, ради котораго шли эти смертельно раненые, шли на бой съ жизнью, а прошлое въ буквальномъ смыслѣ этого слова, — ихъ дѣтство. У нихъ все въ прошломъ.

Таковъ студентъ Бенедиктовъ.

„Все въ прошломъ“, заявляетъ онъ всѣмъ существомъ своимъ. Хорошо только прошлое. Радостно и цѣнно лишь «прошедшее время». И онъ мечтаетъ о старой нянѣ, о милой дорогой сказкѣ дѣтства, о первыхъ порывахъ любви, власти земли, воздуха и свѣта. Бенедиктовы не въ силахъ вѣрить уже ни во что. Даже безвольная, безактивная вѣра Арцыбашевскаго Чижа имъ не подѣ силу. Не замѣчая радостныхъ звуковъ зари, тянутъ они свою совиную надоѣдливую, можетъ быть и красивую, но темную пѣсню о дняхъ своего милаго дѣтства. Эта пѣсня, эти интересы пока ихъ послѣдняя опора—подорвись она и погибли смертельно раненые, ибо у нихъ нѣтъ своего «я», они потеряли всякое понятіе о «я» большомъ и «я» маломъ. Но, думается, что эта полоса Бенедиктовщины въ жизни на-

шей интеллигентной молодежи также недолговѣчна, какъ и полоса ея мистическихъ горывовъ, чуждыхъ общественности, земли народа. Она изживетъ самое себя, утонетъ въ своей беспочвенности.

И если бенедиктовщина еще властно зоветъ назадъ, если съ затаеннымъ, страхомъ прячется она отъ новой жизни, то среди другой части нашей интеллигентной молодежи уже раздаются новые голоса. „Нѣтъ, нѣтъ, что угодно, только не это! Только не смерть!“ въ ужасѣ восклицаетъ герой разск. Ленскаго. „Такъ бываетъ“ (Нов. журн. для Всѣхъ—Юнь). А герой Тана даже на смертномъ одрѣ испытываетъ стихійную радость бытія. (Смерть Николая Петровича—Соб. соч. Изд. Просвѣщеніе). Другой Тановскій герой желалъ-бы „жить вѣчно, чтобы наслаждаться красотой природы и быть ненасытнымъ актеромъ—зрителемъ всемірно человѣческой драмы“. Это первыя ласточки нашей воскресающей интеллигенции. Пусть они пока будутъ ярко индивидуалистичны. Вѣдь наше время и отличается тѣмъ, что драма Гаршинскаго героя осложнилась тѣми крайними индивидуалистическими настроеніями, которыя и кинули часть нашей интеллигентной молодежи въ мистику, часть въ созерцаніе красотъ жизни, часть бросили въ яму бенедиктовщины, какъ ненужный жизненный хламъ, годный еще для смерти, но совершенно негодный для жизни.

Сама по себѣ идея индивидуализма, идея расцвѣта личности животворна. Она одна дастъ человѣку обновленіе. Но не въ такихъ крайнихъ рамкахъ, въ какихъ въ настоящее время эта

идея отлилась въ міровозрѣніи и міроповиманіи нашей интеллигенции. Эту крайность придется преодолѣть, ибо она все также будетъ уродовать молодя, неокрѣпшія жизни, и также будетъ пугать ихъ загадкой, тайной бытія. И чѣмъ быстрѣ интеллигенція вступитъ на путь протеста крайняго индивидуализма и проведетъ вновь спасительную мостъ между своимъ „я“ малымъ и «я» большимъ, тѣмъ скорѣе она выберется на свѣтъ Божій, найдетъ утеряннаго Бога и растерянную знамена своего великаго прошлаго. Въ отдѣльности же не спасетъ ее отъ душевнаго разлада, гнетущей пустоты и безцѣльности жизни ни крайній индивидуализмъ, ни крайнее народничество, ибо жизнь полная, многогранная, кипучая царица—жизнь не знаетъ односторонности и жестоко мститъ за нее тѣмъ, кто поднимаетъ ея знамя. Интеллигенція русская на себѣ, на всемъ своемъ историческомъ пути испытала и испытываетъ эту справедливую кару жизни. Съ перваго своего выступленія посягаетъ она на цѣлостность жизни, бросаясь отъ крайняго индивидуализма къ крайней общественности и обратно. И жизнь неоднократно заявляла ей—нельзя. Проходитъ время, интеллигенція вновь забывала запретъ и снова растерянно кидалась изъ стороны въ сторону. Это была мечь жизни. Подобную мечь интеллигенція переживаетъ и въ настоящее время. Но уже, по ярко то здѣсь то тамъ вспыхивающимъ звѣздочкамъ, видно, что разсвѣтъ недалекъ, заря не за горами.

К. Прудовскій.

Проблема новой социальной педагогики.

(Ничто утопическое, но могущее быть реальнымъ, быть можетъ бесполезное, но наводящее на размышления).

I.

Въ послѣднее время мнѣ довольно часто приходится въ голову вопросъ: не слишкомъ ли громоздка современная система обученія и воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы получить небольшія сравнительно знанія, кончающаго университета студента, мы учимся въ среднемъ 15—16 лѣтъ и къ двадцати двумъ, къ двадцати тремъ годамъ получаемъ свидѣтельство объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, свидѣтельство фиктивное, такъ какъ многіе „кандидаты“ въ дѣйствительности не обладаютъ той суммой познаній и той степенью логическаго мышленія, которая удостоверяется этимъ свидѣтельствомъ или дипломомъ.

Поставленный вопросъ имѣетъ значеніе не только въ этомъ, такъ сказать, академическомъ смыслѣ, но онъ важенъ и въ другомъ чисто общественномъ отношеніи: съ нимъ ближайшимъ образомъ связаны

интересы всего социальнаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, если для получения совокупности познаній, соответствующихъ курсу высшей школы, необходимо 15—16 лѣтъ ученія—то, очевидно, при современныхъ условіяхъ, указанная степень знанія будетъ недоступна громадной массѣ трудового народа, членамъ котораго съ малыхъ

лѣтъ приходится прежде всего добывать хлѣбъ, а потомъ ужъ думать о грамотѣ. Далѣе, если образованіе по прежнему будетъ оставаться привилегіей немногихъ, сытыхъ классовъ, если по прежнему будутъ группы образованныхъ и необразованныхъ, то тѣмъ самымъ будетъ существовать и источникъ социальнаго неравенства, иначе говоря, по прежнему останутся бѣдные и богатые, эксплуатируемые и эксплуататоры, „молотъ и наковальня“.

Возьмите современное общество, обобществите всѣ орудія и средства производства (обычный рецептъ для врачеванія болѣзни социальнаго неравенства) и я увѣренъ, что на другой же день, уничтоженный этимъ обобществленіемъ дуализмъ „молота и наковальни“, эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ снова вспыхнетъ. Переимѣнятся только названія: тюрьмы назовутъ „домами правосудія“, но отъ этого едва ли будетъ лучше тѣмъ, кто будетъ заключенъ въ нихъ. На социальномъ строѣ будетъ стоять вывѣска: „liberté, fraternité, égalité“, но эта „свобода“ будетъ

той же свободой „свободнаго“ извозчика или голоднаго рабочаго, готоваго отдать ее за чечевичную похлебку первому встрѣчному, лишь бы не умереть съ голоду. А братство такого строя не очень далеко уйдетъ отъ братства, посылающаго брата на эшафотъ и лицемерно утѣшающаго его словами: „умри, братъ мой, во имя Христа или общественнаго блага“. Фигура современнаго капиталиста превратится въ такомъ строѣ въ какого-нибудь „директора общественныхъ работъ“, но социальное положеніе послѣдняго будетъ такъ же отличаться отъ положенія „управляемыхъ“, какъ положеніе капиталиста отъ положенія рабочихъ.

Говоря коротко, не нужно быть ни контистомъ, ни нео-позитивистомъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что болѣе или менѣе равномерное распредѣленіе знанія и образованія во всѣхъ слояхъ общества есть условіе, безъ котораго невозможна эгалитарная

система общества.

Помимо этихъ сторонъ обсуждаемая здѣсь проблема имѣетъ значеніе и въ третьемъ отношеніи. Какъ никакъ, а въ данный моментъ мы находимся въ той стадіи культуры, когда культурныя цѣнности создаются не случайно, не бессознательно, а рационально, т. е. путемъ приложенія тѣхъ или иныхъ знаній

къ тѣмъ или инымъ практическимъ потребностямъ. Ни въ какой области культуры теперь нельзя творить тяпъ-ляпъ, наугадъ, безъ подготовки и безъ знаній. Любители мистицизма и интуитивизма могутъ сколько угодно упражняться въ составленіи дифирамбовъ „творчеству по вдохновенію“.

Но ни мы, ни они не поручимъ постройку моста человѣку, не знающему „ни аза въ глаза“ въ техникѣ строительства, врачеваніе—не специалисту, обученіе—не педагогу. Даже болѣе вдохновенная область творчества—искусство—и то требуетъ долговременной муштровки и упражненіи. Правда въ нашей дѣйствительности бываетъ еще не рѣдко, что пироги печь поручается сапожнику, а обученіе дворнику, но результаты такой системы—на глазахъ у всѣхъ. Разъ это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что высшая степень знанія (и по качеству и по количеству) является источникомъ и болѣе интенсивнаго творчества культурныхъ цѣнностей, и обратно. Въ этомъ смыслѣ правъ былъ Тардъ, называвшій изобрѣтенія основнымъ факторомъ социальнаго прогресса. Поэтому, ускоренный качественно-количественный ростъ знанія является тѣмъ самымъ и ростомъ матеріальнаго и психическаго благополучія, иначе говоря, социальнаго прогресса. Большее знаніе поведетъ къ большому числу изобрѣтеній, низкое знаніе—парализуетъ творчество.

Эта задача—углубленія и распространенія знаній, выдвигаемая самой жизнью, такъ или иначе осуществляется въ продолженіи исторіи (иначе невозможно было бы и самый социальный прогрессъ). Такъ или иначе она выполняется и теперь. Но, какъ я указалъ въ началѣ статьи, взгляды на нее въ со-

временную систему образования и обучения, позволительно усумниться в томъ, что она слѣдуетъ закону „экономии силъ“. Разъ это такъ, то самъ собой встаетъ вопросъ: нельзя-ли упростить эту систему, нельзя ли сдѣлать такъ напр., чтобы то, что знаетъ теперь человѣкъ послѣ 20 лѣтней выучки — зналъ мальчикъ 10—12-ти лѣтъ? Думается, что указанная проблема достаточно важна, чтобы привлечь къ себѣ нѣсколько больше вниманія, чѣмъ ей удѣляется обычно.

2.

То, что сказано выше относительно интеллектуальнаго развитія, въ одинаковой мѣрѣ приложимо и къ моральному воспитанію, сводящемуся по существу къ такому измѣненію поведения человѣка, которое было бы социально-полезно—съ одной стороны, и обезпечивало бы въ то же время для личности максимум самоопредѣленія и самопроявленія. Что современная система воспитанія, состоящая частью въ искусственномъ воздѣйствіи на поведение человѣка (школа, семья и профессія), частью же осуществляемая самой жизнью въ видѣ безконечныхъ, сплошь и рядомъ совершенно не поддающихся учету, воздѣйствій „среды“, — что эта система далеко не удовлетворительна, это видно уже изъ одного факта существованія тюремъ, каторги, наказаній и наградъ, устанавливаемыхъ государствомъ, и еще въ большемъ масштабѣ—самимъ обществомъ. Идеальная система воспитанія та, при которой каръ и наградъ нѣтъ. Если же они есть—это признакъ того, что поведение людей данной группы не соответствуетъ тому среднему моральному уровню, который диктуется обще-

ству самой жизнью, иначе говоря, признакъ того, что аппаратъ воспитательныхъ средствъ безсиленъ и не достигаетъ вполне своей цѣли. Но и помимо того, стоитъ ретроспективно взглянуть въ исторію человѣчества—чтобы согласиться съ тѣмъ, что эта задача выполнялась и выполняется довольно скверно. Жертвъ слишкомъ много на этомъ пути, а ошибокъ и того больше. Процессъ улучшенія нравовъ (поведенія) растягивается на рядъ десятилѣтій и даже столѣтій. Соціальная инерція особенно сильно даетъ себя знать въ этой области. Правда, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ скорѣе ставится темпъ прогресса нравовъ. Но все же онъ не настолько быстръ, чтобы „принять его“, положиться на него и успокоиться на мысли, что все равно, въ концѣ-то концовъ, все идетъ къ лучшему. Можетъ быть это и вѣрно, что все идетъ къ лучшему, но едва-ли человѣчеству приличествуетъ подобная „созерцательная“ роль: слишкомъ больно бьетъ она по тѣлу самого же человѣка—съ одной стороны, съ другой—человѣчество достаточно созрѣло, чтобы попытаться взять и дѣло своего воспитанія въ свои руки. Выражаясь образно, оно должно взять въ руки кнутъ и подгонять имъ медленную колесницу времени. Теперь же задача эта далека еще отъ рѣшенія. Это видно хотя бы, изъ того, что при современныхъ способахъ воспитанія мы бессильны измѣнить поведение „привычнаго“ преступника. Создали на этотъ счетъ даже цѣлую теорію „неисправимыхъ“ или прирожденныхъ преступниковъ! Для успокоенія совѣсти эта теорія, пожалуй, и годна, но по существу она говоритъ о полномъ безсиліи современныхъ воспитательныхъ приемовъ. Современное „исправление“, та-

кихъ лицъ состоитъ въ смертной казни, или въ кастрированіи, или пожизненномъ заключеніи. Эти реценты, конечно, очень легки, но развѣ они не говорятъ о томъ же банкротствѣ современныхъ системъ социальнаго воспитанія, и развѣ не приходится невольно краснѣть отъ стыда, когда ученые мужи и государственные дѣятели серьезно и дѣловито говорятъ объ этихъ методахъ?

—мы должны всемѣрно стремиться найти новые, болѣе рациональные способы спеціальнаго воспитанія. Жизнь болѣе не ждетъ, а настойчиво требуетъ разрѣшенія этой задачи. Конечно, такой задачи нѣтъ для того, кому совершенно „наплевать“ и на культуру, и на прогрессъ, и на социализмъ. Но съ такими господами намъ не о чемъ разговаривать. Резюмирую сказанное: и въ интересахъ общечеловѣческой культуры, и въ интересахъ общаго благоденствія,

наше время требуетъ изобрѣтенія новыхъ методовъ воспитанія и обученія, методовъ безконечно болѣе интенсивныхъ, чѣмъ современныя экстенсивныя способы достиженія этихъ задачъ. Выполненіе этой цѣли—составляетъ ближайшую очередь

ную практическую задачу социальной науки и всѣхъ ея оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ представителей. Человѣчеству нужны не только прозрачныя и элегантныя узоры чистой теории, но и практическіе плоды этихъ теорій, ибо одна теорія безъ практическихъ результатовъ мертва есть...

3.

Меня могутъ спросить: собственно говоря, чего же вы хотите? Развѣ не осуществлено уже то, о чемъ вы говорите? Развѣ нѣтъ уже теперь науки-педагогика? Развѣ для достиженія указанныхъ задачъ не созданы теперь всевозможныя системы обучения, методики и дидактики? и т. д. Конечно, все это есть, отвѣчу я, но все это, какъ говорилъ я выше, плохо и скверно устроено. Да простятъ мнѣ педагоги, но, откровенно говоря, я не прочь сравнить современную педагогика съ той медициной, лѣкарства и рецепты которой состоятъ изъ угольковъ и нашептываній. Наше время требуетъ иной педагогика, дѣйствіе которой рассчитано не на десятки годовъ, а на годы или даже мѣсяцы. Вотъ именно такой быстройдѣйствующей педагогика я и хочу и обращаю вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы подвизаться на этой почвѣ, на эту крупнѣйшую и важнѣйшую очередную задачу нашего времени. Но въ чемъ-же она состоитъ, могутъ спросить меня, и вообще возможна ли она?

На первый вопросъ отвѣчаю откровенно: я не знаю. На второй отвѣчаю утвердительно: да возможна. Вотъ на

этомъ то вопросѣ я и остановлюсь подробнѣе, такъ какъ показать, что она возможна, это значитъ показать, что она не есть бредъ ненормальнаго фантастическаго воображенія, а слѣдовательно, надъ такой задачей вполне можно трудиться. Иначе говоря, я могу повторить въ свое оправданіе старинный аргументъ, гласящій: правильно поставить проблему—значитъ наполовину рѣшить ее.

Для того, чтобы строить мостъ на луну, необходимо прежде всего рѣшить вопросъ—возможно ли и осуществимо ли такое предпріятіе. И только, получивъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—можно уже перейти къ слѣдующему вопросу: какъ строить. Такъ же обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ. Изслѣдуя вопросъ о возможности или невозможности обсуждаемой нами задачи, вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно можетъ быть удастся намѣтить и тѣ основные пути, по которымъ должны направиться первые поиски отыскиваемой нами „жарь птицы“.

Раздѣлимъ вопросъ на два отдѣльныхъ вопроса. Обсудимъ сначала: возможна-ли „интенсификаціи“ приемовъ и средствъ интеллектуальнаго развитія, а затѣмъ перейдемъ къ изученію вопроса о возможности „интенсификаціи“ способовъ моральнаго воспитанія, т. е. объ измѣненіи поведенія сообразно съ той или иной поставленной цѣлью.

Римусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Безуміе.

Я расскажу вамъ одну старую исторію, нашумѣвшую въ свое время и извѣстную. Не знаю, найдете ли вы въ моемъ разсказѣ второго Рогожина—героя романа „Идіотъ“, или Георгъ Тартаковскій — просто оригиналъ, одинъ изъ немногихъ безумцевъ.

* * *

Тартаковскій не въ духѣ. Его жена—артистка Стефанія П.—возлѣ рояля вполголоса напѣваетъ ари изъ „Травиаты“. Она должна просмотрѣть эту оперу, т. к. сегодня ей слова пѣть. И всякій разъ какъ она отдается театру, сценѣ—Тартаковскій нахмуренъ, мало говоритъ, избѣгаетъ ее.

Георгъ ревнуетъ. Дикая, ненормальная ревность охватило все существо мужчины. Театръ отнял у него самую любимую женщину—Стефанію. Артистка П... не бросила его въ узкомъ смыслѣ этого слова, но жизнь ихъ—не прежнее счастье.

То ушло безвозвратно. А когда-то, раньше... шесть лѣтъ назадъ...

Шесть лѣтъ назадъ Георгъ проводилъ всѣ вечера въ театрѣ. Въ дождь въ холодъ—бѣжалъ онъ къ святынѣ, гдѣ обитаетъ искусство. Здѣсь геній, идеалы. Здѣсь выходятъ полубоги, чаруя публику своимъ талантомъ.

Толпа ловитъ жадно всѣ звуки—частицы раздаваемого со сцены съ царскою щедростью богатства. Всѣ полу-

чали его; каждый могъ слушать, могъ уносить съ собою.

И Георгъ Тартаковскій уносилъ въ душѣ голосъ Стефаніи; онъ старался не забыть ни одной изъ ея арій; припоминалъ дома все, что она пѣла.

Въ театрѣ онъ не только слушалъ, но и изучалъ этотъ дивный голосъ, запечатлѣвая его въ своемъ мозгу, какъ на какой-нибудь пластинкѣ.

Правильно возстановить въ памяти всю оперу являлось для него большой радостью.

Молодой и красивый человекъ обратилъ вниманіе на прелестную артистку, звѣзда которой восходила въ то время.

Красота! талантъ! Необычайная женщина! Здѣсь сочетались красота съ гениальностью; въ ней, въ этой женщинѣ, не только начало идеализированнаго существа,—здѣсь самъ идеалъ. Одно изъ тѣхъ совершенствъ, что жизнь посылаетъ въ среду миллионѣвъ посредственностей.

Тартаковскій полюбилъ...

Полетѣли недѣли, мѣсяцы. Ухаживанія, цвѣты на сценѣ и за сценой; подарки первое время мало трогали артистку. Артистка должна вызывать восторгъ, преклоненіе передъ своимъ талантомъ. Иначе она не настоящая артистка. Но настойчивость Георга, его глубокая любовь, робкія признанія; наконецъ, молодость Стефаніи сыграли свою роль.

Розы, брошенные па сцену розы, П. поднимает не съ прежней небрежностью. Стефанія благодарно улыбалась ему съ эстрады, прижимая цвѣты къ груди. Въ такія минуты Тартаковскій, измученный долгой страстью, былъ внѣ себя отъ радости. Хотѣлось кричать, смѣяться, дѣлиться своимъ счастьемъ. И изъ театра онъ уходилъ почти шатаясь, опьяненный отъ посланной улыбки.

Неужели любовь? Какъ трудно этому вѣрить!

Первый поцѣлуй! Судорожныя рыданія у ногъ артистки, у ногъ безцѣвной Стефаніи. Слезы радости и счастья. Этимъ счастьемъ Георгъ подавленъ. Въ его душѣ въ это время произошелъ какой-то сдвигъ всѣхъ элементарныхъ понятій.

Я боюсь сказать, что съ этого момента онъ какъ бы помѣшался. Да и на это нѣтъ никакихъ указаній въ запискахъ знавшихъ его лицъ. Можно предположить, однако, сильное потрясеніе психики Георга. Въ любви такъ много, безкопечно много особой силы.

Когда Тартаковскій съ молодой женой путешествовалъ по Италіи, когда рядомъ съ любовью въ душу проникли красоты природы, картинъ древняго Рима, Венеціи, Неаполя—жизнь стала казаться сномъ.

Не разъ поздней ночью скользила гондола по каналамъ Венеціи, оставляя за собою чуть замѣтный темный слѣдъ. Дома, мрачные дворцы, вдали громадный куполь собора, почти бѣлый отъ падающаго съ неба свѣта; дорогая Стефа, задумчивая, не-живая—какъ видѣніе... Тихо протягивалась ея рука для пожатія; безмолвно передавалось восхищеніе, охватившее обоихъ.

Но... быть можетъ ея восхищеніе было

восхищеніемъ артистки? Быть можетъ въ эти моменты Тартаковскій уходилъ изъ ея мыслей?

Не тамъ ли зародились ея новыя „Пѣсни ночей“?

Зачѣмъ злыя мысли? Стефанія любила. Она бросила сцену, свое пѣніе и уѣхала, чтобы быть съ нимъ, а не съ толпою. Молодая женщина любила первый разъ и время ихъ путешествій совпало съ расцвѣтомъ любви. Тогда только тогда Стефанія принадлежала ему вся.

Въ Виченцо провели они больше года. Стефанія читала, стараясь пополнить свое образованіе, т. к. раньше театр не позволялъ ей подобныхъ совмѣщеній. Разучиваніе ролей, репетици, вечеромъ—пѣніе. Гдѣ здѣсь читать? Да и жизнь была блѣдной. Газетныя статьи ее не волновали.

Путешествіе дало такъ много. Въ связи съ нимъ, Стефанія хотѣла воскресить старину, „духъ“ древняго Рима въ своемъ воображеніи. Исторія тѣхъ мѣстъ, гдѣ ходили ея ноги, гдѣ взоръ любовался невиданной до сихъ поръ красотой, интересныя легенды, передаваемые туземцами, особая жизнь, далекая по своей оригинальности, отъ русской—все такъ ново; все занимало бывшую артистку.

Въ Виченцо же родилась у нихъ дочь—маленькая Вѣра.

Вѣра! Начало первыхъ страданій! Мать перенесла почти все чувство на дочь, оставивъ мужу крохи. Съ первыхъ дней рожденія дочери Тартаковскій это почувствовалъ. Въ душу закралась некрасивая, злая ревность къ своему же ребенку.

Развѣ не проводила теперь цѣлыя дни его жена съ Вѣрой, не просиживала ли часами надъ ея колыбелью, лю-

буясь спящимъ ребенкомъ? И ночью вставала, чтобы поцѣловать свою дѣвочку, такую маленькую, какъ куколка. Игрушечныя руки, ножки! Смѣшное чиханіе. Какія мысли въ этой головкѣ? въ новомъ существѣ—маленькомъ, но требовательномъ?

Георгъ органически не выноситъ дѣтей. Что хорошаго въ „кускѣ мяса“? въ постоянномъ крикѣ и плачѣ бессмысленныхъ пока созданій, надоѣдливыхъ и злыхъ вдобавокъ?

Жена отдается заботамъ на его взглядъ мелкимъ и вовсе не для нея предназначеннымъ; въ этихъ заботахъ Стефанія опустила до обыкновенной женщины съ животными инстинктами. Любовь матери Георгъ считаетъ животной. И вспоминая пѣніе,—сравнивая артистку въ театрѣ со Стефаніей—матерью, занятой кормленіями ребенка и пеленками, Тартановскій не разъ переживалъ внутреннее недовольство. Ихъ дитя развѣнчивало идеалъ, разрушало иллюзію, становилось между Стефаніей и имъ.

Отчужденность развивалась быстро; усиливаемая и ускоряемая самимъ Георгомъ. Мать не могла простить ему холодности къ Вѣрѣ, не понимала ревности къ маленькому тѣльцу, которое—казалось-бы—нельзя не любить и не покрывать тысячами поцѣлуевъ.

Беззащитность голубоглазой дѣвочки передъ эгоизмомъ, ненормальнымъ эгоизмомъ отца, требовала отвѣта и вела къ частымъ ссорамъ. Жизнь вмѣстѣ дѣлалась тяжелой. Однажды, укачивая ребенка, Стефанія запѣла. Все сильнѣе и сильнѣе охватывала ее грусть; колыбельная пѣснь перешла въ импровизацію, въ пѣснь боли, причиняемый непониманіемъ когда-то любимаго человѣка. Дитя—благословеніе семьи—у нихъ

стало предметомъ вѣчныхъ упрековъ и невыносимыхъ ссоръ.

Сцена брошена—тамъ ее забыли. Ея будущность: жить одинокой, вдали отъ всѣхъ, для своего ребенка. Но развѣ недостаточно ей этого? Изъбра, ея Вѣра будетъ счастливѣе матери. Вѣра-артистка станетъ выше ея, звѣзда которой погасла, не успѣвъ подняться. И почему она плачетъ? Непослушныя слезы падаютъ на руки дѣвочки..

Сцена! Къ ней рвалась семь лѣтъ тому назадъ Стефанія. На сцену убржала она изъ польскаго Сандомира, поразивъ страшнымъ ударомъ родныхъ. А теперь самъ Богъ караетъ ее за огорченія—причину смерти матери.

Стоило увидѣть ей въ театрѣ красиваго человѣка—и она, не изучивъ его, бросилась въ водоворотъ любви, принесла въ жертву искусство, призваніе. Эгоисту, безумцу въ своей любви, отдала Стефанія будущность артистки. Вернуться нельзя. Мать и артистка на ея взглядъ не могутъ существовать вмѣстѣ. Снова пѣть въ театрѣ—значило бы отказаться отъ любви къ дѣвочкѣ, отъ заботъ, своихъ заботъ. Изучить всякое движеніе ребенка, въ первый разъ услышать его лепетъ, увидѣть первую улыбку—кому уступить она? А дѣтскіе шаги? игры? Ей, только ей, принадлежитъ вся Вѣра. Стефанія своими руками будетъ лѣпить изъ дѣтскаго воска душу будущей женщины, она создастъ изъ нея необыкновенную женщину.

Георгъ въ этотъ день былъ неприятно пораженъ, увидѣвъ жену въ слезахъ за чтеніемъ вырѣзки изъ старыхъ газетъ. Невольное предчувствіе новой бѣды, болѣе сильной.. И только сегодня мысль о Вѣрѣ его нѣсколько успо-

коила. Вѣра связываетъ... Стефанія не можетъ уйти обратно.

* * *

Прошло два года. Стефанія прелестнѣе, чѣмъ прежде. Она перестала чувствовать упреки мужа. Да и упреки эти теперь менѣе остры. Георгъ любитъ дѣвочку, часто играетъ съ нею: самолюбіе матери удовлетворено.

Въ ея сердцѣ возникла благодарность, замѣнившая старую любовь, и жизнь въ красивомъ Бернѣ съ мужемъ и дочерью приобрѣла уютность. Привычка быть вмѣстѣ, общія заботы заглушили тоску. Казалось, снова выглянуло счастье, семейное счастье.

И потому неожиданная болѣзнь Вѣры поразила ужасомъ обоихъ.

Каждый чувствовалъ, что несла смерть Вѣры. У Стефаніи тогда бы рушились всѣ надежды, связанная съ маленькой „дочерью Итали“; Георгъ терялъ навсегда Стефанію. Онъ зналъ, что смерть Вѣры — освобождение для его жены. Сцена, снова театр — замѣнить ей тяжелую утрату.

Два исхода: оба загадочные, рѣшающіе.

Ночи проходили въ пыткахъ страха, сомнѣньяхъ. Малѣйшая надежда на жизнь вызывала бурную радость. Такъ шла борьба: на постели — между жизнью и смертью; возлѣ — между печалью и радостью

Смерть побѣдила.

Стефанія окаменѣла. Горе безъ слезъ, безъ поцѣлуевъ трупа. Безучастно слушала она отпѣваніе, смотрѣла, какъ забивали гвозди въ крышку гроба, навсегда закрывая отъ свѣта лицо дорогой дѣвочки.

Спокойной ѣхала она въ Варшаву, гдѣ по ея желанью хоронили Вѣру. Только

вернувшись съ похоронъ Стефанія, почувствовала себя очень плохо. И тяжело заболѣла.

* * *

Тартаковскій нахмуренъ. Онъ рѣшилъ. Стефанія будетъ его. Онъ вырветъ ее изъ театра, ненавистнаго съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поетъ она. Георгъ возьметъ ея душу, ту душу, что раскрылась на мигъ, одинъ мигъ въ Итали; раскрылась, чтобы стать чуждой, таить что-то ему непонятное.

Стефанія опять артистка и теперь ея талантъ достигъ наивысшаго развитія.

Каждый вечеръ, когда она поетъ, театръ полонъ, сцена утопаетъ въ цвѣтахъ.

Сегодня артистка въ роли Виолетты очень эффектна. Чудный голосъ, свободное исполненіе вызываетъ бурю аплодисментовъ. Хризантемы, бѣлыя и пунцово-красныя розы, ландыши — все перемѣшалось въ букеты, въ изящныя лиры, въ вѣнки и живыя корзинки, чтобы склониться къ ногамъ божественной пѣвицы, то любящей, то страдающей. Въ этомъ страданіи столько искренности и дѣйствительной боли, что театръ замираетъ... Планы на счастье и полная невозможность осуществить ихъ, прощаніе съ Альфредомъ, смерть — подымали изъ глубинъ души какую-то муть, вызывали тревогу, безотчетную тоску. Это не игра; это — жизнь. Быть можетъ жизнь артистки, связанная тысячью невидимыхъ нитей съ жизнью Виолетты. Многие вздыхали, нѣкоторыя женщины плакали.

Георгъ жадно ловилъ каждое слово. Это пѣніе — послѣднее пѣніе, послѣднія арии. Такъ хочетъ онъ. Несчастливая! Она не слушала словъ, увѣщаній. Потерявъ дитя, Стефанія вернулась на сцену.

Театръ—ея воздухъ, и бросить его вторично она не можетъ. Георгъ снова путешествовалъ съ нею, просилъ, умолялъ остаться, жить только съ нимъ—ничего не вышло. Стефанія сама уѣхала въ Варшаву, когда онъ запретилъ ей возвращаться въ Россію.

Георгъ ревновалъ! Онъ ревнуетъ! Ревнуетъ къ искусству, отнимающему отъ него Стефанію, уносящему ея мысли куда-то вѣтъ дали, гдѣ ему нѣтъ мѣста.

Артистка и толпа! Вотъ кому отдаетъ все любимая имъ женщина. Не Георгу съ его жалкой любовью; не ему, а тысячамъ другихъ. Талантъ, свой талантъ, Стефанія несетъ къ нимъ. И развѣ онъ пьетъ всѣ звуки ея голоса, всю глубину ея страданій и силу радости? Онъ только подходитъ къ этому драгоценному кубку съ душистой влагой и стоитъ передъ нимъ. Пьютъ они. Они—тысячи—ежедневно заглядываютъ въ сердце Стефаніи, выбираютъ изъ него все лучшее, а взамѣнъ кричатъ стучать, бросаютъ цвѣты, пишутъ пошлыя статьи.

И цвѣты, ядъ тысячъ цвѣтовъ, наполняютъ всю жизнь. Имъ начинается и оканчивается день. Они не даютъ дышать; всегда говорятъ о толпѣ.

Георгъ — хранитель цвѣтовъ, подарковъ. Его роль—проводить Стефанію въ ея заграничныя поѣздки, улыбаться искусственно, когда ничтожные людишки жмутъ ему руку, растроганные пѣніемъ артистки. Смѣшная роль приживальщика въ гостиной, ливрейнаго лакея у выхода изъ театра.

Общихъ интересовъ, пониманія, внутренней близости нѣтъ. Да и взгляды обоихъ рѣзко расходятся. Стефанія еще въ Виченцо дала понять, что она только терпитъ его изъ жалости къ страшной любви, къ терзаніямъ Георга.

Уйти! Жить безъ нея нѣтъ силъ. Когда Стефанія уѣхала въ Варшаву—Тартаковскій бросился за ней. Жизнь его связана навсегда. И не властенъ ни Георгъ, никто разорвать ее.

Умереть! Оставить ее для нихъ, для всѣхъ. Отказаться... Благодарная толпа забудетъ артистку, какъ только сорвется ея голосъ. Толпа отброситъ Стефанію, взявъ у нея все, весь талантъ всю молодость. Чего ждать ей? Пріюта? Бѣднаго пріюта для сочедшихъ со сцены артистовъ, богадѣльни никому не нужныхъ старухъ и стариковъ? Вотъ—будущность всего великаго!

Тамъ—въ бреду,—тяжеломъ бреду придется ей пѣть. Надорваннымъ голосомъ запоетъ она блестящую когда-то арию. Оттуда станетъ рваться къ дорогому театру, въ бреду... вспоминая аплодисменты, заглушавшіе когда-то слова.

Что ждетъ тебя дорогая Стефанія? .

„Быть убійцей? Толпа такъ назоветъ меня. Толпа, у которой я отниму ихъ сокровище, лишивъ міръ великой артистки. Но я докажу имъ, что Стефанія моя. Я возьму ее по праву моей любви, т. к. шесть лѣтъ назадъ Стефанія отдалась сама. Теперь она—моя, моя не на одинъ мигъ. Моя—навѣки.

Въ томъ новомъ мірѣ пусть судить насъ Богъ.

Толпа! Я презираю сѣрую толпу, презираю за ея посредственность, за ея мелочность. Не могу равнодушно смотрѣть на покупку талантовъ, развлечение послѣ ихъ дѣлъ—всегда почти грязныхъ, продажныхъ...

Развлечение отъ избытка довольства, на вершинѣ своего благополучія“.

* * *

На другой день въ газетахъ появилось сообщеніе о загадочной смерти артистки. Ее нашли на отоманкѣ, покрытой дорогими коврами. Вся нагая, съ распущенными волосами, безжизненно сидѣла она среди ковровъ. Въ ея волосахъ были вплетены красныя, спѣлыя

вишни. Видны же лежали цѣлымъ пучкомъ, съ листиками на колѣняхъ и рукахъ покойной.

Мужъ артистки безслѣдно исчезъ.

Нелли.

Я дѣвушка безстрастная, какъ мумія,
Возставшая для жизни изъ гробницъ.
Людскія страсти, полныя безумія,
Вы, для меня лишь отблески зарницъ.

Свободная, безстрастная, холодная,
Не знавшая ни радостей, ни мукъ,
Я на землѣ, какъ странница безродная,
Пройду судьбой очерченный мнѣ кругъ.

Моя судьба хранить еще пророчества,
Внутренняя мнѣ древностью вѣковъ:
Есть на землѣ проклятье одиночества,
Никто не вышелъ изъ его оковъ.

Я смерть приму, какъ радость возвращенія
Въ покинутый міръ ласковыхъ тѣней.
Не упадетъ слезинка всепрощенія
Надъ дѣвушкой, незнавшею страстей.

Регина З.

Война рождаетъ героевъ.

(Б а с н я).

Моимъ любимымъ лирикамъ—
Цензору и Сологубу посвящаю.

Когда повздорилъ бѣлыи свѣтъ
Съ кичливой западной державой
И на нее пошелъ облавой,—

Одинъ поэтъ,

И не одинъ, а весь десятокъ,
(Сказать ужь попросту, безъ пряткокъ!),

Артелью,

Кто соловьемъ, а кто свирѣлью
Довольно искренне подчасъ,

Запѣли вразъ:

— Ахъ! какъ вы, люди, безсердечны!

Ахъ! какъ вы всѣ безчеловѣчны!

Смотрите: Богъ накажетъ васъ!

Вамъ, право, лучше помириться,

Пока весь мѣръ не загорится...—

А дальше?.. Дальше, вотъ вопросъ:

Читатель не пугайся!

Мужайся!

Что вѣшать носъ?

Они живутъ и хлѣбъ жуютъ,

Какъ говорится.

И даже всѣ поютъ,

Да только, что то тутъ —

Неладное творится,

Поютъ то вовсе не о томъ:

Какъ будто въ ихъ возрѣньяхъ

И убѣжденяхъ

Произошелъ какой то переломъ.

Громятъ, разносятъ, побѣждаютъ,

Изъ кожи лѣзутъ—угождаютъ

И, хотъ „немножечко дерутъ“,

За то теперъ ужъ „въ ротъ хмѣльного не берутъ“.

Сумѣлъ ты басенку прочесть,

Придумайка—нравоученье,

А я скажу лишь въ заключенье:

Хотятъ поэты ѣсть!

В. Яшинъ.

40

Герой.

Слава безвѣстнымъ героямъ,
Честно погибшимъ въ бою:
Шли они сомкнутымъ строемъ
Лечь за отчизну свою.

Цензоръ.

I.

— Господа! сказалъ Его Превосходительство, (надо вамъ замѣтить, что Его Превосходительство любилъ особенныя событія и всегда умѣлъ отгнать ихъ своимъ выступленіемъ).

— Господа! Вы знаете, конечно, изъ какихъ мотивовъ объявлена мобилизація: враги не дремлютъ, на насъ идутъ войной. Пусть же не удастся имъ усыпить нашу бдительность! Здѣсь Его Превосходительство досталъ платочекъ и, приложивъ его къ глазамъ, продолжалъ глубоко-прочувствованнымъ голосомъ:

— Вчера господинъ директоръ здѣшней гимназіи со слезами радости на глазахъ говорилъ мнѣ, что семеро изъ его воспитанниковъ пойдутъ защищать Отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Господа! Мы переживаемъ великія историческія минуты, минуты всеобщаго подъема духа и воодушевленія. Многие, даже не будучи призваны, становятся въ ряды нашей доблестной арміи, сгорая желаніемъ принести свою жизнь на алтарь Отечества, и я—лично—увѣренъ, что въ средѣ чиновничества тоже.. Голосъ Его Превосходительства оборвался. Слушатели потупились. Наступило неловкое молчаніе...—Впрочемъ, пожалъ плечами ораторъ,—впрочемъ я

вѣдь не говорю, что это обязательно нужно... Конечно, „не всѣ вмѣщаютъ словесе сего“, можно и мирнымъ путемъ быть столько же полезнымъ нашему Отечеству. Пожелаемъ же и мы въ свою очередь всякаго благополучія нашей дорогой Родинѣ, да здра... довольно громкое „ура“ покрыло послѣднія слова Его Превосходительства.

* * *

Въ тотъ же день три чиновника, Чернилкинъ, Дудка и Мишечкинъ, по окончаніи своихъ трудовъ, шли одной изъ глухенькихъ улочекъ города и оживленно о чемъ то бесѣдовали. Въ одномъ мѣстѣ они круто свернули, перешли улицу и поднялись на высокое крылечко.

— Вотъ те на! проговорилъ Дудка, толкнувшись въ грязную дверь, надъ которой красовалась двуцвѣтная вывѣска: „заперто!“—Такъ точно: по случаю мобилизаціи, — радостно поддакнулъ вынырнувшій откуда то дворникъ. Огорченію друзей не было предѣла, пока, наконецъ, Мишечкинъ не предложилъ: — Идемте ка, господа, къ Мамашкину: у него то ужъ всегда есть?! Предложеніе было принято единогласно.

* * *

Черезъ полчаса всѣ трое сидѣли у Мамашкина и обсуждали текущія событія.

— А хорошо говоритъ Его Превосходительство! умиленнымъ голосомъ произнесъ Дудка.

— А что? — полюбопытствовалъ Машкинъ.

— Да такъ вотъ все прямо и чувствуешь. Правильно говоритъ!.. Выпили за здоровье Его Превосходительства.

— И какъ онъ это ловко насчетъ чиновниковъ то сказалъ...

— Ловко?

— Ловко! — Я, говоритъ, увѣренъ, говоритъ, что... ужъ вотъ какъ сказалъ!—лучше и не выдумаешь...

Повторили за здоровье Его Превосходительства.

— А только на счетъ чиновниковъ онъ это напрасно сказалъ,—присовокупилъ Мишечкинъ, прожовывая селедку. То-есть какъ это такъ напрасно? оскорбился Чернилкинъ.—А такъ вотъ и напрасно!—упрямо повторилъ Мишечкинъ,—нашъ братъ-не таковскіе.—Нѣтъ, ты объясни, приставай Чернилкинъ.—Да что тамъ объяснять... Ты вотъ пойдешь?!

— Да бросьте вы, господа, унимали товарищи,—изъ-за этакихъ пустяковъ, да чтобы споръ. Тьфу! лучше выпьемте давайте.—Это можно... вотъ то то и дѣло то, продолжалъ Мишечкинъ, опрокинувши рюмку, такъ и всякій другой на твоёмъ мѣстѣ.—А можетъ и пойду, ты почему знаешь?—вспыхнулъ Чернилкинъ—Ну-у?—А вотъ и пойду—Пиши прошенье—Хоть сейчасъ!—

* * *

Когда кухарка-Аксинья вернулась отъ воинскаго начальника, она нашла

друзей значительно повеселѣвшими. О ссорѣ и помину не было.

— Ну что? Принялъ?—Принялъ, А что сказалъ?—Вотъ, говоритъ, еще одинъ доброволецъ, Саша.—Это онъ тебя Сашей назвалъ, пояснилъ Дудка, обращаясь къ импровизированному добровольцу.—Нѣтъ, жену: вотъ, говоритъ, Саша...—Нѣтъ, жену онъ Сашей назвалъ. тѣмъ же тономъ поправился Дудка.

— Молодецъ, Чернилкинъ! За здоровье Чернилкина, урр-а-а-а! неожиданно гаркнулъ Машкинъ, Выпили за здоровье Чернилкина. Потомъ повторили. Потомъ еще повторили. Потомъ героя качали, а когда накачались, сѣренькій осенній разсвѣтъ уже проскользнулъ въ окошко. Чернилкинъ сдѣлалъ два шага, остановился въ нерѣшительности посреди комнаты, весь съежился и робко кашлянулъ Кто-то предложилъ расходиться.

II

Явившись утромъ въ понедѣльникъ на службу и занявъ свое скромное во всѣхъ отношеніяхъ мѣсто, Чернилкинъ долго старался припомнить, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ въ субботу, и не успѣлъ еще убѣдиться въ тщетѣ направленныхъ на это усилій, какъ его потребовали въ кабинетъ начальника. Неожиданность была слишкомъ велика и мой бѣдный герой задрожалъ, какъ основной листъ.

Едва перешагнувъ порогъ святилища, онъ робко остановился у двери.

— Подойдите сюда, ласково позвалъ Его Превосходительство.—Я очень радъ, продолжалъ онъ,—что, будучи скромнымъ чиновникомъ, вы сумѣли воспитать въ себѣ такія возвышенныя чув-

ства... и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Его Превосходительство, сознание мало-помалу возвращалось къ Чернилкину, пока наконецъ совершившійся фактъ, ужасный и неотразимый, не всталъ передъ его расширенными зрачками во всей своей наготѣ. И, желая какъ-нибудь исправить это страшное и непоправимое, онъ забормоталъ почти шопотомъ, заикаясь и перебивая начальника:—Ва-ва-ваше Превосходительство!.. тутъ онъ перекрестился въ душѣ и выкрикнулъ быстро и громко, точно хотѣлъ сказать скороговорку, „я пошутить!“ а сказавши это, также быстро удернулъ голову въ плечи и крѣпко зажмурилъ глаза, точно сзади его ударили по шеѣ чѣмъ то большимъ и тяжелымъ и сейчасъ еще разъ ударятъ. Вслѣдъ за тѣмъ наступила гробовая тишина.

И когда, спустя мгновение, стоившее вѣчности, Чернилкинъ заглянулъ въ глаза Его Превосходительства, передъ нимъ было вытянувшееся отъ изумления и гнѣва лицо начальника, съ грозно сдвинувшимися бровями и широко открытымъ, готовымъ проглотить что то, ртомъ. Сейчасъ оно удивительно напоминало собою восклицательный знакъ.

Но Чернилкинъ не видѣлъ этого лица, потому что тамъ, куда онъ смотрѣлъ, онъ видѣлъ Смерть. И эта была не простая смерть, пришедшая откуда-то съ

улицы, можетъ быть изъ другого города, можетъ быть, даже, изъ другого міра, нѣтъ, это была смерть, его Смерть. Та самая, которая всю жизнь ходила за нимъ по пятамъ, всю жизнь сторожила его и, незамѣтная, прокрадывалась за нимъ всюду. Это была смерть, которая жила съ нимъ и въ немъ. Это была его смерть. Она такая же длинная и вытянувшаяся, какъ и лицо Его Превосходительства, но сгорбившаяся, и потому походила больше на вопросительный знакъ. Такъ вотъ при какой обстановкѣ встрѣтился бѣдный Чернилкинъ съ этими непривычными знаками, которыхъ никогда не бывало въ его бумагахъ

Развѣ онъ расскажетъ вамъ, какъ вышелъ изъ кабинета начальника, или какъ добрался до дому?! Нѣтъ! Онъ не въ состояннн рассказать вамъ этого по двумъ причинамъ: потому что онъ ничего не помнилъ и потому, что онъ уже умеръ. Онъ умеръ, какъ только пришелъ домой. Легъ на постель и умеръ.

Что сказалъ Чернилкинъ своему начальнику, что тотъ отвѣтилъ ему—осталось для всѣхъ неразрѣшенной тайной. Одно лишь знали всѣ достоверно: доброволецъ и будущій герой Чернилкинъ скоростижно скончался.

Василій Яшинъ.

Думы физика.

I.

На гробъ незабвенному Міровому
Эиру.

Вечеромъ въ небѣ огни загораются.
Вечера яснаго, вечера жду.
На небѣ дивныя тайны свершаются,—
Можетъ быть въ небѣ отвѣтъ я найду...

Въ небѣ мерцаютъ потоки хрустальные,
Тихо струится туманъ міровой,
Волны эфирныя—путники дальніе
Въ очи стучать мнѣ—волна за волной.

Вѣстники милые съ неба далекаго,
Къ вамъ обращусь съ наболѣвшей душой:
Вѣчныя тайны простора широкаго
Вы разрѣшите мнѣ, дайте покой!..

„Вѣдомы намъ глубины безконечныя,—
„Ты ограниченъ малюткой Землей.
„Мы совершаемъ біенія вѣчныя —
„Время жъ несетъ тебѣ вѣчный покой!..

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Что тамъ?.. Нѣтъ—звѣздочки такъ же безмолвны..
Тихъ, притаился туманъ голубой.
Быстро мерцаютъ, торопятся волны,
Бьютъ, набѣгаютъ—волна за волной...

Янъ Щекъ.

На грани.

II.

Я маленький, маленький, сѣренькій, незамѣтный человекъ... Очень маленький и очень невидный...

... Сѣрое, не выразительное лицо, тускляя, ничего не говорящие глаза. Душа у меня нѣмая и не рождаетъ красивыхъ звучныхъ словъ.

Я робокъ и всегда сижу гдѣнибудь въ уголкѣ и молчу. Когда кто нибудь подходитъ ко мнѣ и заговариваетъ—я теряюсь и краснѣю... Господи, Боже мой! Я завидую, мучительно завидую всѣмъ, у кого языкъ не заплетается какъ у меня, у кого мысли отчетливы, и ясны и легко скатываются съ кончика языка, точно горошины. Я не умѣю такъ! Я потѣю отъ напряженія что нибудь сказать и въ головѣ у меня дымить — такъ путаются и туманятся мысли.

Ахъ Господи! Что же мнѣ жаловаться и негодовать? Вѣдь я всего лишь маленький, сѣренькій человекъ, неостроумный, незначительный и вѣчно молчу. Кого можетъ интересовать моя душа, вѣчно живущая въ туманѣ и не умѣющая рождать красивыхъ мыслей и красивыхъ словъ?... Право я иногда зави-

Я тебя никогда не видѣлъ и не знаю кто ты, но тебѣ я посвящаю пѣсни свои, ибо ты такъ хотѣла. Слушай.

дую орламъ! Когда они погибаютъ—о нихъ все-таки плачутъ...

... Да, да! Я постоянно молчу, всегда молчу.. Но есть и молчанія разныя... И въ молчаніи видна „порода“, видна душа... Есть, напр. молчаніе внушительное—молчаніе большихъ лбовъ со свѣтлыми глазами и окладистой бородой.

Есть молчаніе располагающее, молчаніе красивое и звучное — молчить себѣ и молчить, и слава тебѣ Господи, что молчить... Онъ молчаніемъ можетъ больше сказать, чѣмъ другой цѣлой книгой словъ.. Есть молчаніе сосредоточенное, глубокое, похожее на свѣтлый омутъ, въ которомъ не видно дна; есть молчаніе жуткое, мертвенное молчаніе, молчаніе ночи осенней, кладбища или призрака; есть молчаніе тоски, молчаніе грёзъ,—свѣтлое какъ день и съ дымкой; есть молчаніе ироніи и насмѣшки, и есть пришибленное молчаніе, молчаніе зайца, растерянное молчаніе, молчаніе, когда не знаешь, что сказать, даже больше—не знаешь почему молчишь... Мое молчаніе именно таково. И люди чувствуютъ это, и потому издѣваются надо мной..

... Я довольно часто бываю въ обще-

ствѣ, хотя и боюсь его... Я не умѣю отказываться, хотя и чувствую, хотя и знаю зачѣмъ зовутъ меня, Я вѣдь знаю, что я буду точиломъ, на которомъ шлифуется остроуміе любимцевъ общества... Вѣдь мнѣ всегда можно сказать дерзость въ глаза, не рискуя получить отпоръ. Мое неумѣніе вывернуться и подыскать нужныя слова, сколько разъ спасало общество отъ скуки-и отъ пакостнаго сознанія собственной и чужой ненужности именно въ этомъ мѣстѣ.

У меня даже мелькаетъ мысль временами, что можетъ быть и существованіе то мое нужно только для того, что-бы мнѣ объяснялись въ любви въ играхъ; что-бы забрасывали меня дождемъ остроумныхъ и быстрыхъ словъ, значеніе которыхъ мѣняется непрерывно, точно цвѣта на стеклахъ передъ закатомъ; что-бы срывали на мнѣ досаду, ревность, посылали меня за шоколадомъ и разрѣзными пожиками для книгъ... И я не обижаюсь на это, видитъ Богъ, не обижаюсь... Я даже радъ что хоть чѣмъ нибудь полезенъ для людей... могу быть полезенъ.

Я маленькій, сѣренькій, незамѣтный человѣкъ. И я даже доволенъ этимъ и не завидую никому. Но вѣдь и маленькіе люди могутъ мечтать? Вѣдь могутъ—неправда-ли? Они могутъ увлекаться, могутъ любить, могутъ чувствовать... И не удивляйтесь поэтому, господа, что мнѣ бываетъ иногда больно... очень больно чувствовать себя игрушкой, созданной на потѣху общества. Право, я хотѣлъ-бы пожить хоть немножечко для себя, хоть немножечко попробовать счастья...

Я маленькій, сѣренькій человѣкъ, но я не чурбанъ, не дерево, не камень... Хотѣю маленькій, сѣренькій, а все-таки

человѣкъ и все-таки хотѣлъ-бы немножечко счастья.

И я позналъ счастье, позналъ... Вы не знаете, господа, маленькой сказочки объ узникѣ, тридцать лѣтъ просидѣвшемъ въ темницѣ? Сидѣлъ онъ въ темницѣ и каждый день упрашивалъ боговъ выпустить его изъ нея, что-бы полюбоваться на солнце... Онъ такъ хотѣлъ свѣта, такъ хотѣлъ солнца—хотя и позабылъ совершенно, что оно изъ себя представляетъ—что только и жилъ этой надеждой... И боги сжалялись надъ нимъ и отворили двери темницы... День былъ сіяющій и великолѣпный, точно невѣста, вѣнчающаяся со своимъ возлюбленнымъ... И онъ поразилъ зрѣніе узника... Тысячи мечей, выкованныхъ изъ свѣта вонзились, въ его глаза и погрузили его въ вѣчный мракъ. Узникъ ничего не запомнилъ изъ этого дня, ничего, кромѣ огромнаго свѣтового пятна, раздавившаго его зрѣніе... Этимъ узникомъ былъ я, господа.

Однажды меня пригласили на вечеръ къ моему патрону. Народу собралось много и было весело... такъ весело, что я даже позабылъ про свою маленькую, сѣренькую личность... Любуясь этимъ весельемъ я сидѣлъ въ уголкѣ и смотрѣлъ, смотрѣлъ и улыбался—и мнѣ никто не напоминалъ, что я маленькій, сѣренькій человѣчекъ, никто не вызывалъ меня ни на разговоръ, и на шутки... Въ этотъ вечеръ не было необходимости придумывать слова и насильственно улыбаться... Не было.

Но самымъ красивымъ въ этотъ вечеръ была дѣвушка... одна дѣвушка, имени которой я называть не стану... Я не сумѣю передать ея красоту, ибо у меня нѣтъ словъ для этого... Я только скажу: она была такъ красива, что всѣ чувствовали ея красоту и всѣ тянулись

къ ней и кружились около нея, словно планеты около солнца.

Она была удивительно ласковой и нѣжной въ этотъ вечеръ... Даже ко мнѣ подошла и сказала нѣсколько словъ... Маленькія незначительныя слова, но теплыя и золотыя, какъ солнечный лучъ... Она согрѣла мою маленькую, сонную душу и положила ее въ золотую колыбель на весь вечеръ. Она качала меня въ этой колыбели и убаюкивала, ибо и потомъ я замѣчалъ ея взглядъ, брошенный на меня изъ толпы: онъ былъ полонъ ласки, привѣта и одобренія... Да-а... такъ это было... такъ это случилось...

... Я ушелъ домой точно пьяный, точно обвѣянный золотыми туманами... Я шелъ и качался, а въ душѣ рождалась смутная музыка, а природа пѣла, пѣла что-то необыкновенно легкое, понятное и красивое... да, да, именно понятное, легкое и красивое! А что? понять-то я и не могъ... Я шелъ и радовался и неизъяснимое блаженство такъ распирало мою грудь, что я боялся какъ-бы она не разорвалась... Господи, никогда я не подозрѣвалъ до этого, что природа можетъ быть такой чудной и величественной, что она можетъ говорить и пѣть!.. А люди! Я только въ этотъ вечеръ понялъ всю прелесть беззаботнаго смѣха, всю красоту словъ—этихъ чудесныхъ одеждъ мыслей, чувствъ и настроеній... Въ этотъ вечеръ, въ одинъ только этотъ вечеръ на мигъ открылась какая-то завѣса и міръ показался мнѣ инымъ—болѣе полнымъ, болѣе красочнымъ и болѣе осмысленнымъ. Въ душѣ моей вспыхнула молнія и на мигъ освѣтила лицо истины... Но только на мигъ, только на мигъ... а потомъ снова наступила тьма, снова стѣна отдѣлила душу мою отъ жизни, снова задернуло все

черной завѣсой. И теперь я даже не знаю въ чемъ эта правда, въ чемъ эта красота—не найду ни словъ, ни опредѣленій, чтобы передать ее хотя бы для себя.. Какъ во снѣ чувствовалъ я себя въ тотъ вечеръ... Какъ во снѣ чувствовалъ новую логику, новую правду... сонную. И точно такъ-же, какъ пробуждаясь ото сна забываешь эту правду, эту логику, забываешь на чемъ и въ чемъ коренилась убѣдительность сна—только общіе смутныя контуры остаются въ памяти—такъ и я, пробудившись отъ этого вечера, помню только неизъяснимую радость и неизъяснимое блаженство.

... Я маленькій, сѣренькій человѣчекъ съ мгlistой и туманной душой, влюбился въ солнце и оно поразило меня. Моя душа, пребывавшая въ царствѣ зыбкихъ тумановъ и неясныхъ предчувствій и устремленій, захотѣла слиться со свѣтомъ и воспѣть хвалу ему... Но она привыкла къ молчанію и тьмѣ и только молчала... Голосъ ея оборвался на первой-же нотѣ, а свѣтъ солнца былъ такъ невыносимо яркъ, что она погрузилась въ вѣчную тьму...

... Я сталъ еще чаще бывать среди людей, хотя боязнь моя передъ ними и увеличилась... Я сталъ всюду бывать, гдѣ бывала она, моя радость и мое солнце. Я по прежнему сидѣлъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ и молчалъ.. Я не думалъ, не мечталъ... Я даже ничего не хотѣлъ.. Я только любовался ею, слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, упивался каждымъ жестомъ, звукомъ ея голоса... Нѣтъ, я не сумѣю передать всего наслажденія, какое я испытывалъ въ ея присутствіи!.. Ея походка, волосы, лицо, прикосновеніе ея платья, запахъ ея духовъ, ея кожи, наполняли мою душу трепетомъ и восторгомъ.. Мнѣ

было сладко ощущать ея присутствие, сладко до острой, до невыносимо острой боли, отъ которой хочется кричать и отъ которой только плотнѣе сжимаешь губы. Я чувствовалъ, что красота ея приковала всю мою волю, всю мою душу. Я тянулся къ ней, какъ ночная бабочка къ огню... Пусть я сгорю, пусть... Но вѣдь я люблю ее—и это служить для меня наградою и утѣшеніемъ.

Я маленькій, слишкомъ маленькій человѣчекъ. Моя душа не умѣетъ творить красивыхъ словъ и красивыхъ жестовъ. Я не краснѣю, не танцую. Я не имѣю красивой наружности и великолѣпныхъ усовъ; я не герой и не способенъ на великія дѣла—развѣ что сунуться внизъ головой, если-бы она этого захотѣла—и я не обладаю острымъ умомъ, заглядывающимъ въ прошлое и будущее. И поэтому я сижу тихо и смиренно въ своемъ уголкѣ и не стараюсь попасться ей на глаза. Къ чему вносить диссонансъ въ ея душу? Она вѣдь немного избалована и тянется къ красивому... да это и понятно—развѣ я самъ бы полюбилъ некрасивую и неинтересную? Нѣтъ я выбралъ солнце. Такъ кого-же выберетъ солнце-то?

Нѣтъ, нѣтъ, я слишкомъ маленькій человѣкъ, чтобы не понимать этого!.. Да и потомъ я боюсь... Я боюсь, что люди замѣтятъ мою любовь, что они начнутъ перекидывать ее изъ рукъ въ руки... Я боюсь, что мое солнечное чувство испачкается и изомнется и превратится въ стоптанную, старую туфлю... Такую заплеванную и измызанную... И я сижу въ своемъ уголкѣ и нервничаю... Я оглядываюсь кругомъ, какъ затравленный заяцъ, и вздрагиваю даже отъ одной мысли, что могутъ прочесть на моемъ лицѣ: онъ полюбилъ солнце... Онъ, этотъ маленький, сѣренькій чело-

вѣчекъ, такой глупый и неинтересный влюбился въ такую красавицу! Да вѣдь можно умереть отъ смѣха... И я еще больше краснѣю и путаюсь, когда обращаются ко мнѣ съ разговоромъ, еще больше, чѣмъ прежде, заикаюсь и отвѣчаю не то, что нужно—такъ я боюсь, чтобы не догадались.

Такъ проходили дни мои перемѣшанные страхомъ и радостью, болью и наслажденіемъ. Я не видѣлъ часовъ и жилъ какъ автоматъ. Я по прежнему аккуратно ходилъ въ контору, аккуратно выполнялъ свою работу, но душа моя не была въ этой работѣ—была только привычка. Утромъ я ждалъ вечеръ, ночью—слѣдующаго дня. Когда наступали такіе вечера, когда она была больна, или въ отъѣздѣ, или по другимъ причинамъ никуда не выходила—они были пыткой...

Я не зналъ куда дѣвать время и проклиналъ его... Я влюбился въ солнце и оно сожгло мою душу, выпило изъ нея всякую охоту къ жизни... Такъ всегда бываетъ, когда червь влюбится въ солнце, такъ всегда бываетъ.

Это было уже зимой, когда я получилъ отъ нея записку. Ей хотѣлось пройти пѣшкомъ до театра и она просила меня проводить ее... Я не смогу передать вамъ всю мою радость отъ этой записки, не смогу! Что-бы передать ее, нужны другія слова, не тѣ, какими мы говоримъ съ лавочникомъ, кухаркой, квартирной хозяйкой. Нѣтъ, тутъ нужны слова... Я не знаю какія слова, но другія, непременно другія, и что-бы ихъ было много—море словъ, живыхъ и игривыхъ...

Бережно и благоговѣнно держалъ я эту записку въ своихъ рукахъ, точно эта записка была—нѣкій драгоценный и хрупкій сосудъ, наполненный такимъ

рѣдкостнымъ масломъ, что кромѣ какъ въ этомъ сосудѣ его нигдѣ больше и не было. Я положилъ эту записку въ ящикъ, гдѣ хранились самыя цѣнныя и дорогія для меня вещи... Положилъ, даже не осмѣливаясь прикоснуться къ ней губами, хотя онѣ и горѣли отъ нестерпимой жажды прижаться къ ней.

Я вырядился во все лучшее: вѣдь этотъ вечеръ — самый великій, самый торжественный праздникъ моей жизни. Въ этотъ вечеръ я буду идти рядомъ съ богиней, рядомъ съ солнцемъ, рядомъ съ олицетвореніемъ счастья, весны и радости.

Я цѣлыхъ два часа ухаживалъ за собой... Цѣлыхъ два часа охорашивался передъ зеркаломъ, чистилъ свои ботинки, платье, умывался и т. д... Я замучилъ хозяйскую дочку, посылая ее то за духами, то за галстуконъ, за манжетами, за мыломъ... Цѣлыхъ два часа убилъ я такъ, а когда совершенно закончилъ свой туалетъ — времени оказалось еще пропасть.

Я не понимаю, какъ люди оцѣниваютъ время; не понимаю, зачѣмъ выдумали часы: время неизмѣримо и двигается съ различными скоростями. Часы ничего не могутъ сказать: они вѣчно лгутъ, ибо не они отмѣчаютъ время, а время увлекаетъ ихъ за собой.

Для меня эти часы, что оставались до театра — были пыткой. Время плелось удивительно медленно. Я даже началъ сомнѣваться, что можетъ наступить тотъ моментъ, въ который я могу тронуться въ путь. Клянусь вамъ — эти часы были гораздо длиннѣе, чѣмъ вся моя жизнь передъ этимъ, и на протяжении ихъ развернулось больше событий, чѣмъ бѣтъ рожденія и до сего дня... Но люди слишкомъ самоувѣренны, слишкомъ умны, и слишкомъ увлек-

лись исчисленіями, чтобы повѣрить мнѣ... А я не умѣю доказывать. Я только чувствую.

..Было холодно. Морозъ разыгрался не на шутку, и такъ щекоталъ и пощупывалъ, что люди прятали свои лица и уходили въ воротники. Но я не боялся мороза и не чувствовалъ его. Что мнѣ морозъ? Развѣ онъ можетъ существовать для меня, когда рядомъ со мною идетъ солнце? Она — источникъ тепла и свѣта, и рядомъ съ нею, при видѣ ея, самая свирѣпая зима превращалась въ поющую весну.

Я шелъ рядомъ съ нею и молчалъ. Ея красота была такъ чудесна, что вызвала желаніе молиться. Мнѣ хотѣлось упасть передъ нею и лежать совершенно неподвижно, пока она не пройдетъ по мнѣ... Лежать безъ словъ, только безмолвіемъ и неподвижностью говорить ей, какъ я люблю ее и какъ дорого мнѣ каждое ея прикосновеніе... Я боялся поднять на нее глаза — тогда бы я не вытерпѣлъ и упалъ.

— Вы что же молчите? Рассказывайте чтонибудь.

Я вострепелъ и покраснѣлъ. Говорить? Она хочетъ, что-бы я говорилъ ей? Но у меня нѣтъ словъ! Гдѣ я возьму слова, которыя-бы отражали ея красоту и мою любовь и преклоненіе передъ нею? Откуда я возьму такія слова?.. Слова должны быть яркія, нѣжныя, воздушныя... Какъ ореоль, какъ корона должны украсить онѣ голову моей возлюбленной... Какъ платьемъ изъ золота и сіянія, изъ солнечныхъ лучей майскаго утра и голубого неба нужно одѣть ими душу ея... Слова должны рыдать и смѣяться, звенѣть и пѣть, грохотать, какъ громъ и замирать, какъ свирѣль... Слова должны взять ея душу и поднести ее къ престолу самого Господа

Бога—пусти. Онъ полюбуется на нее и улыбнется ей... Слова. Но у меня нѣтъ словъ, нѣтъ словъ!..

...Я иду и молчу, какъ чурбанъ, а она вѣдь жаждетъ словъ... Она жаждетъ ихъ, хочетъ упиться ими... Слова для нея—музыка, вино. Слова отворяютъ ей золотыя ворота царства мечты и упоеній. Она любитъ ихъ и жадно пьетъ живительный нектаръ летучихъ, огненныхъ, сверкающихъ словъ... Слова рождаютъ радость.

Но словъ нѣтъ, словъ нѣтъ! Я думаю, думаю, думаю... Я уже не замѣчаю дороги, уже не знаю, иду я, или ѣду, на ушницѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ головѣ моей клубится туманъ, прыгаютъ зеленые, красные, синие огоньки... безчисленное количество огоньковъ... Я думаю, и меня бросаетъ въ жаръ, а словъ все нѣтъ и нѣтъ... Слова умерли для меня, а можетъ быть и не рождались...

— А морозецъ сегодня знатный, знатели!

Слова эти вылѣзли залпомъ и совершенно безъ всякаго доклада моему сознанию... Я о нихъ не думалъ... совершенно не думалъ, а онѣ прозвѣняли въ воздухѣ отчетливо и рѣзко, точно топоръ дровосѣка въ лѣсу... Она промолчала—ничего не отвѣтила—и зѣвнула.

Я нѣкоторое время ничего не понималъ, ничего не сообразилъ... Я не могъ сразу, въ одно мгнвеніе оторваться отъ исканія словъ и потому шелъ такъ-же спокойно и безмятежно, какъ будто ничего и не случилось... Но въ томъ-то и дѣло, что случилось! И, когда выброшенные мною слова дошли до моего слуха, до моего сознания—я почувствовалъ, что душа моя просыпалась въ бездну... Я не помню, что было дальше... Я не

помню какъ я разстался съ нею, говорила-ли она что нибудь мнѣ на прощаніе... Я ничего не помню.. Въ моемъ мозгу огромными буквами пылала сказанная мною фраза—и она закрыла весь міръ. Въ душѣ моей поселился гигантскій кузнецъ и огромнымъ молотомъ отбивалъ на моемъ сердцѣ тактъ: осрамился.. осрамился..

Я маленькій, слишкомъ маленькій человекъ, а солнце такое огромное. Я полюбилъ его какъ любятъ солнце—большою любовью и душа моя—маленькаго сѣренькаго человекъ, молчаливаго и незамѣтнаго—погнулась подъ этой любовью... Не выдержала тяжести солнца и его огня, сломалась и сгорѣла...

...Съ тѣхъ поръ я больше никуда не показывался... Я понималъ, мучительно понималъ, что я маленькій, сѣренькій, незамѣтный человекъ... понималъ, что никому нѣтъ дѣла до меня и до моихъ страданій и радостей. И мнѣ стало стыдно выходить на улицу... Стыдно и за себя и за людей.

И я сижу въ своей комнатѣ какъ кротъ въ норѣ и думаю: почему я не дерево, не чурбанъ, не камень? Почему я родился съ маленькою, нѣмою душой? Почему я нѣмой, слабый и неинтересный, а такъ остро чувствую боль и радость? Почему же все это, почему?

Я не жалуясь,—нѣтъ, нѣтъ,—и не проклиная—я только спрашиваю... Я только не могу жить такъ, не могу помириться съ этимъ—и больше ничего.

Мнѣ не по силамъ стало тянуть ляжку ежедневнаго существованія, не по силамъ ходить въ контору, писать цифры, получать деньги и тратить ихъ на ѣду, на платье, на квартиру. Я не вижу въ этомъ ни цѣли, ни смысла и не знаю зачѣмъ-бы я сталъ жить дальше... И я ухожу.

Я умираю... завтра меня ужь не будет на свѣтѣ... Но мнѣ на прощаніе хотѣлось-бы сказать людямъ: маленькіе, сѣрые люди тоже хотятъ жить, хотятъ радоваться и любить.. Но какъ сдѣлать чтобы жизнь не была бессмыслицей, не была безцѣльной и безрадостной? Ибо пока не найдется смыслъ и радость для каждаго даже маленькаго человека—будутъ уходить они тихо и без-

молвно изъ жизни... тихо и безмолвно, одинъ за другимъ, одинъ за другимъ, оставляя только записки: „въ смерти прошу никого не винить“...

Я и тутъ не умѣю сказать, что нужно и передъ смертью не найду словъ, чтобы выразить свою мысль какъ бы хотѣлось.

И. Лебединовъ.

Настанетъ день и смерть придетъ
Съ своей холодною улыбкой
И съ почвы жизни, съ почвы зыбкой,
Душа въ міръ новый перейдетъ.

Замолкнетъ все... Замретъ любовь.
Ни голосъ нѣжно серебристый,
Ни взоръ, какъ звѣздочка, лучистый,
Не всколыхнетъ, въ порывѣ, кровь.

И лѣсъ не станетъ навѣвать
Отраду пѣсней говорливой,
А рѣчки струйкою шумливой
Мечтѣ картины рисовать.

Уборъ цвѣтовъ и ширь полей,
И звѣздъ небесныхъ лучъ игривый
Ласкать не станутъ взоръ пыливый
Игрою красокъ и лучей.

Изчезнетъ міръ земныхъ красотъ,
Восторгомъ сердце не забьется.
Душа съ природою сольется,
Паря среди нѣмыхъ высотъ.

Хр. Бьлозеровъ.

А р ф а

Есть чудная арфа въ предѣлахъ вселенной,
Игрою чарующей вѣчно полна,
То бодрю пѣсней, то пѣсней побѣдной,
То полною горя, то муки священной—

Міры наполняетъ она.

Въ тѣхъ пѣсняхъ таятся отъ насъ роковое.
Мы пѣсни покорно назвали судьбой,
Онѣ намъ вливаются въ сердце живое,
То будятъ въ немъ къ Богу стремленье святое,
То гордо ведутъ его въ бой.

Блаженъ, кто среди звуковъ земныхъ увлеченій
Уловить той арфы чарующій зовъ—
Его намъ приносить лучъ солнца вечерній,
Любви поцѣлуй—поцѣлуй всепрощеній

И тихая ласка лѣсовъ.

Блаженъ—онъ пойметъ всю красу мірозданья
И вѣчную тайну свободной любви,
И, полный къ несчастьямъ толпы состраданья,
Онъ скажетъ тому, кого давятъ страданья:

Надѣйся, борись и живи!

Хр. Бялозеровъ.

Огвѣтственный редакт.-издатель *Александръ Васильевъ*

ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ

журнала учащейся молодежи „Сѣверный Гусляръ“ въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

№ 5.

• № 6.

ПРИХОДЪ.

Продано № 5 изъ 10000 напечатан. съ отчисленіемъ 25% въ пользу продавцовъ-студентовъ 6828 экз. на сумму	512 р. 17 к.
За объявл. Эсдерсъ и Схефальсъ	20 „ — „
Пожертвованій	5 „ 26 „
Подписчики	6 „ 45 „
Итого	543 р. 88 к.

ПРИХОДЪ.

Продано № 6 изъ 10000 напечатан. съ отчисленіемъ 25% въ пользу продавцовъ-студентовъ 8013 экз. на сумму	601 р. 01 к.
Отъ подписчиковъ	8 „ 05 „
За объявл. Эсдерсъ и Схефальсъ	20 „ — „
Итого	629 р. 06 к.

РАСХОДЪ.

Уплочено:	
по счету типографіи	340 р. 05 к.
почтовые расходы	4 „ 31 „
канцелярскіе и редакціон. расходы	37 „ — „
гонораръ сотрудникамъ	31 „ 34 „
Итого	412 „ 70 „

РАСХОДЪ.

Уплочено:	
по счету типографіи	330 р. 30 к.
почтовыхъ расходовъ	3 „ — „
редакціонныхъ и канцелярскихъ	40 „ 54 „
гонораръ сотрудникамъ	26 „ 43 „
Итого	400 р. 27 к.

Чистой прибыли отъ продажи № 5 получено
131 р. 18 к.

Чистой прибыли отъ продажи № 6 получено
228 р. 79 к.

Всего получено отъ продажи 6-ти номеровъ въ пользу
семей павшихъ въ бою воиновъ . . . . . **2870 р. 72 к.**

Деньги, за исключеніемъ отчисленныхъ на изданіе слѣдующаго очеред-
ного выпуска журнала, хранятся въ государственной сберегательной кассѣ.

Проектируется студенческая организація во главѣ съ редакціей журнала
„Сѣверный Гусляръ“, которая будетъ завѣдывать распредѣленіемъ суммъ,
вырученныхъ отъ продажи журнала. По выработкѣ проекта устава организаціи,
избрана комиссія изъ состава сотрудниковъ журнала Сѣверный Гусляръ.

Редакція.

ПРИМѢЧАНІЕ. Отчетъ за 7-й номеръ, будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ 2-мъ номерѣ.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстрацію и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются безплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакция сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работѣ по распространенію журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи.

Просимъ г.г. подписчиковъ деньги посылать на имя редактора А. А. Васильева.

1 р. 90 к.

Безъ доставки.

Восьмой годъ изданія.

НОВЫЙ

2 р. 20 к.

Съ дос. и перес.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО
въ объемѣ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ особое вниманіе обращено на: 1) **ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ**, вести который будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кпадо (Прибой) и 2) **ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ**, подъ руководствомъ пом. хран. музеевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальн. рисунк., фотограф., виньетками карикатурами.

ДЛЯ КАЖДАГО НОМЕРА БУДЕТЪ ДАВАТЬСЯ НОВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОБЛОЖКА.

Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы беллетристики, научно-популярн., критич. и худож.

Подписчики получаютъ по окончаніи войны Карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ въ краскахъ.

ПРОБН ЫЙ НОМЕРЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ 10 К. МАРКИ.

Подписная цѣна: съ перес. 2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к. Безъ
на годъ— 2 р. 20 к., дост. на 1 г.—1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священник., р. бочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к. при подпискѣ,
80 к. къ 1 марта и 60 к. къ 1 июля.

А ДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕВОДОВЪ:

Коптога и Редакція: ПЕТЕРГАДЪ, Эртелевъ пер. (близъ Жугоевскій), д. 3. Телеф. 107-83
Редакторъ-Издатель А. Боане-Яворовская.

59.2